

английских рабочих — о национальных традициях в их жилье, пище, семейной жизни, организации досуга, народных праздниках и пр. Так, например, автор подробно описывает внутреннюю планировку домов английских рабочих со свойственным им вертикальным расположением квартир, традиционным способом отопления — камином и пр. Эти сведения представляют особый интерес для этнографов, изучающих специфику культуры английской нации.

Автор повести рассказывает своим читателям также о том, как складывается семейная жизнь английских рабочих, с каким трудом создается в Англии семья; полная лишений жизнь притупляет в человеке все чувства, отравляет самые лучшие дни его молодости, заставляет даже порой отказываться от законного желания иметь свою семью.

Джейн Уолш и люди, ее окружающие, не принадлежат к какой-либо политической партии, не имеют твердых политических убеждений, но они по мере сил отстаивают право на человеческую жизнь. Всей своей книгой автор протестует против порядков, при которых процветают нищета, безработица. «Пусть политики разглагольствуют о нашей благодатной свободе. Нет свободы в стране, где цепи нужды душат любовь к жизни», — говорит простая английская работница в своей книге (стр. 74). Безыскусная, полная реализма повесть Д. Уолш показывает, что рабочим не вырваться из лап нищеты при существующем в Англии общественно-политическом строе.

Правдивое и убедительное изображение жизни английских рабочих в наши дни — несомненно, большая заслуга автора. Советские этнографы прочтут эту книжку с большим интересом.

И. Гроздова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Ж. Велерс. *Крестьяне Сирии и Ливана*. Сокращенный перевод с французского Я. И. Серебрянского. Вступительная статья А. П. Орешникова. Издательство иностранной литературы, М., 1952.

Арабские страны Азии до настоящего времени остаются очень слабо изученными в этнографическом отношении. Правда, Сирия и Ливан, равно как и Палестина, исследованы сравнительно лучше: имеется ряд этнографических работ, принадлежащих перу арабских и французских этнографов и посвященных тем или иным сторонам народной жизни. Назовем исследование З. Васфи о племенах Сирии, Х. Шатила и Х. Дагестани о браке и семье у сирийских мусульман, работы сотрудников Французского института востоковедения в Дамаске Р. Монтаня, А. де Бушмана и ряд других. Однако среди этих работ пока еще отсутствуют монографии, которые содержали бы всестороннее описание быта арабов Сирии и Ливана или хотя бы какой-нибудь одной группы арабского населения этих стран.

Вот почему переведенная на русский язык книга покойного французского ученого, профессора колониальной географии Марсельского университета Жака Велерса представляет значительный интерес. Озаглавленная во французском оригинале «*Pausans de Syrie et du Proche Orient*», она фактически посвящена крестьянам Сирии и Ливана, условия жизни которых характеризуются автором довольно подробно и разносторонне. Особенно ценно то, что работа написана на основе сравнительно свежего материала, относящегося преимущественно к 1930—1940-м годам.

Книга Ж. Велерса состоит из двух частей. В первой части («Условия крестьянской жизни») последовательно рассматриваются природные и исторические условия, землевание и землепользование, крестьянское хозяйство и его техника, наконец, те изменения в условиях крестьянской жизни, которые имели место в период французского мандата (1918—1939). Во второй части («Сельские местности») вначале характеризуются общие черты в условиях материальной и общественной жизни сирийско-ливанских феллахов, а затем дается региональный обзор четырех основных географических зон: открытых равнин, горных районов, оазисов и пустынных окраин. Таким образом, в книге, с одной стороны, содержится некоторый материал по хозяйству, материальной культуре, общественной и семейной жизни крестьян, с другой стороны, поднят ряд общих историко-этнографических и политических вопросов.

Начнем с первой группы вопросов.

Одной из наиболее интересных является третья глава первой части книги, посвященная аграрным отношениям в сирийско-ливанской деревне. Автор характеризует здесь важнейшие виды земельной собственности, показывает особенности общинного и индивидуального землеустройства, дает короткое, но выразительное описание крестьянского землепользования. Велерс указывает, что «крупнопоместная собственность представлена по всем странам, от Средиземного моря до Персидского залива, составляя основу аграрных отношений на Ближнем Востоке. Средняя и мелкая собственность является только исключением... С социальной точки зрения там существуют две противоположные друг другу группы: знать — аги, беки и шейхи, обладающие привиле-

гиями по праву или фактически,— и простой народ» (стр. 144—145). Отсюда «решительный, почти абсолютный разрыв между землепользованием и землевладением» (стр. 146). И крупные землевладельцы, обычно проживающие в городах, и деревенские богатеи сдают землю в аренду на условиях полуфеодалной издольщины. Последняя носит самые разнообразные формы, простые и сложные, но во всех случаях то, что предоставляется издольщику, «составляет лишь прожиточный минимум, необходимый, чтобы он не умер с голоду до нового урожая или чтобы отчаяние не толкнуло его на побег» (стр. 49). Время от времени, когда несчастья превосходят обычную меру, вспыхивают неожиданные и бурные восстания: феллахи забирают урожай, выгоняют управляющих, сжигают дом землевладельца.

В следующей главе автор описывает крестьянское хозяйство и его убогую технику. Характеризуются транспорт, обмен, типы земледелия, традиционные сельскохозяйственные орудия и оросительные средства, кочевое и деревенское скотоводство. Глава заканчивается кратким описанием годового календаря земледельческих работ и подсобных занятий крестьян — домашних производств, отхожих промыслов и т. п.

Этнографический интерес представляет первая глава второй части книги, содержащая сжатою характеристику материальной культуры, семейного быта, а частично также общественной и религиозной жизни крестьян. Здесь говорится об основных блюдах крестьянского рациона и способах их приготовления, о жилище и поселениях феллахов в различных районах Сирии и Ливана, о домашней утвари, о мужской и женской одежде крестьян, кочевников, горцев. В специальном разделе приводятся некоторые данные о рождаемости, смертности, распространенных заболеваниях. Более подробно характеризуются семья и семейная жизнь, патриархальное бесправие женщин и детей, разделение труда в семье, основные обычаи, связанные со свадьбой и воспитанием ребенка. Имеются короткие справки о крестьянском деревенском обществе и религиозной жизни феллахов. Автор отмечает слабое распространение официальной религиозной идеологии, сохранность древних верований, преобладание не религиозных, а народных праздников, связанных с теми или иными датами сельскохозяйственного календаря. Интересен общий вывод Велерса: «Мы имеем дело с родиной соперничающих религий, и все-таки их влияние остается настолько поверхностным, что последователей различных вероисповеданий трудно различать по их поведению. Больше того, если попытаться проникнуть в их души, можно обнаружить то же однообразие» (стр. 268). Этот вывод не может не учитываться при решении вопроса об этнической характеристике столь многочисленных в Сирии и Ливане вероисповедных групп: обладая некоторыми исторически сложившимися специфическими чертами культуры и быта, они все же, по видимому, не должны рассматриваться как особые этнические группировки внутри арабского населения Сирии и Ливана.

Отдельные этнографические сведения содержатся и в заключающем книгу региональном обзоре, где физико- и экономико-географические данные сопровождаются замечаниями о занятиях населения, земледельческой и ирригационной технике, характере поселений и жилищ. Следует особо отметить приложенные к тексту оригинальные карты (распространение общинного землевладения, секты «джубат-бургаль» и др.), рисунки оросительных сооружений и сельскохозяйственного инвентаря, многочисленные планы жилищ и поселений.

Этнографическая ценность всей этой описательной части работы Ж. Велерса неоспорима. Правда, можно говорить о недостаточной подробности и точности изложения, о стремлении «олитературить» материал, местами вытесняющем систематическое научное описание. Но Велерс — не этнограф, и нельзя упрекать его за то, что его книга не стала этнографической монографией о феллахх Сирии и Ливана. Зато самые серьезные возражения вызывают те разделы работы Велерса, в которых он пытается сделать широкие общественно-исторические обобщения.

Основное здесь — это вопрос о причинах бедственного положения феллахов. Отсталая архаическая техника производства, архаический и пагуонный общественный строй, нищета и порабощение людей, осужденных работать на землях, которые им не принадлежат, и несущих на своих плечах всю тяжесть общественного здания, вечная забота о хлебе насущном, убожество жилищ и домашней утвари, невежество, патриархальщина и забитость, — такова нарисованная Велерсом картина жизни миллионов и миллионов феллахов Сирии и Ливана и, надо сказать, картина в основном правильная. Но в чем причины создавшегося положения? Автор видит их в различных обстоятельствах. Это, во-первых, «влияние прошлого», под которым Велерс понимает «вековую неподвижность» Востока, истощенного веками бурной жизни и поэтому надолго заснувшего (стр. 91—92). Это, во-вторых, «влияние кочевников», непосредственно прикасающихся с узкой и неустойчивой полосой оседлости и держащих ее в постоянной экономической и моральной зависимости (стр. 97). Это, далее, «роль ислама и арабизма», о котором автор приписывает враждебное отношение к оседлому земледелию, к земледельческому крестьянскому миру (стр. 100), и вероисповедная рознь, лишаящая деревню покоя и устойчивости, ведущая к расстройству и даже «искоренению» сельской жизни (стр. 107). Наконец, это несостоятельность ближневосточных государственных организаций, пренебрегавших организацией общественных работ и в то же время почти целиком отбравших плоды крестьянского труда (стр. 110—111). Все это объединяется автором под общим названием «Исторические условия» и представляет собой эклектический набор существенных и несущественных, действительных и мнимых факторов

исторического развития стран Ближнего Востока. «Влияние прошлого», конечно, поныне продолжает сказываться на жизни феллахов, но оно заключается не в «вековой неподвижности», а в отсталости ближневосточных стран, обусловленной определенными особенностями восточного феодализма, нашествиями крестоносцев, монголов, турок и особенно вторжением европейских и американских колонизаторов. Взаимоотношения между оседлым и кочевым миром, в частности значение кочевой периферии, составляют большой и сложный вопрос, не раз поднимавшийся в литературе и все еще не получивший убедительного разрешения. Не исследовал эту проблему и Велерс; однако, правильно отмечая, что мирное и взаимновыгодное содружество кочевников и оседлых является наиболее обычным для них состоянием, он сам опровергает свою концепцию о социальной враждебности феллахов и бедуинов¹. Еще менее состоятельны ссылки автора на такие надстроечные явления, как ислам, «арабизм», религиозная рознь. Известно, что тот или иной характер надстройки действительно оказывает существенное влияние на экономический базис, но, во-первых, это влияние не является определяющим, а во-вторых, автор не сумел подойти к рассматриваемым явлениям исторически. Говоря об отрицательном отношении «арабизма» к оседлому земледелию, Велерс архайзирует современное арабское общество, приписывает ему древнебедуинские идеалы, отказывается замечать тот горячий интерес, который проявляли и проявляют к нуждам оседлого крестьянства идеологи передовой арабской культуры. Говоря о религиозной розни в сирийско-ливанской деревне, Велерс умалчивает о том, что в настоящее время эта рознь успешно изживается в ходе национально-освободительной борьбы, сплачивающей народные массы этих стран. Говоря о роли государства, Велерс рассматривает последнее как некую внеисторическую и внеклассовую категорию; в то же время он, как мы увидим ниже, отнюдь не без задней мысли противопоставляет «восточное» государство «западному».

Наряду с «историческими условиями» Велерс, отдавая дань характерному для французской буржуазной науки географическому детерминизму, выдвигает в качестве одного из определяющих факторов также и «географические условия». Влиянием географической среды он объясняет такие общественно-экономические явления, как распространение общинного землевладения (стр. 121, 132), техническая отсталость земледелия (стр. 176) и т. п. Переплетаясь с «исторической», географическая аргументация еще более затемняет существо вопроса.

Но автор вовсе не настаивает и на географическом детерминизме. «Если извечная нищета феллаха неизбежно связывается в нашем представлении с оценкой его земли, — пишет Велерс, — то этим еще далеко не доказано, что современная техника не могла бы преобразовать местное сельское хозяйство и сделать его более доходным. Дело заключается, однако, не только в применении новейшей техники, но также и в настоящей социальном перевороте, или, лучше сказать, в полной замене одного общественного строя другим, совершенно ему чуждым» (стр. 84). В другом месте Велерс не менее ясно говорит о необходимости «подлинной социальной революции, а также революции в быту и сознании» (стр. 254). Однако социальная революция, о которой говорит Велерс, это не ликвидация классового гнета феодалов и буржуазии, не освобождение от гнета иностранного монополистического капитала, — это всего лишь капиталистическое преобразование страны, в котором автор видит панacea от всех и всяческих бед. Не случайно феодальному землевладению Сирии и Ливана, отсталости сельского хозяйства и нищете феллахов Велерс противопоставляет капиталистическую Францию, не случайно особую главу своей книги он посвящает «недавним изменениям», под которыми подразумевает двадцатилетнюю деятельность французской мандатной администрации в Сирии и Ливане. Эту деятельность автор считает в целом благотворной: делая местами некоторые оговорки, он все же считает возможным говорить о систематических попытках французских властей «разрешить земельные проблемы» (стр. 214), «организовать сельское просвещение» (стр. 226) и т. п. Таким образом, не в коренных преобразованиях, не в развертывании массового крестьянского движения под руководством рабочего класса Сирии и Ливана, а в продолжении и усилении империалистической колонизации видит Велерс решение самой острой социальной проблемы Ближнего Востока — проблемы феллаха.

В рамках настоящей рецензии нет возможности останавливаться на частных недочетах и неточностях в работе Велерса. Ограничимся поэтому еще одним замечанием, касающимся того содержания, которое вкладывает автор в понятие «семья»; это тем

¹ Попутно отметим, что автор вступительной статьи А. П. Орешников несколько упрощает проблему оседания, утверждая, что «оседание кочевников на землю объясняется не якобы большим естественным приростом населения, а глубоким кризисом кочевого хозяйства, порожденным проникновением капитализма на Ближний Восток» (стр. 13). Кризис кочевого скотоводства в условиях мирового капиталистического рынка начался лишь в последней четверти XIX в., между тем массовые процессы оседания кочевников, связанные с вторжением аравийских бедуинов в Сирию и Месопотамию, имели место и раньше, начиная, по крайней мере, со II тысячелетия до н. э. Они вызывались другими экономическими кризисами и прежде всего именно кризисом перенаселения в районах кочевого скотоводства, приводившим к выселениям и оседанию на землю бедуинских племен Аравии.

более целесообразно, что подобную же ошибку мы находим и в специальных работах по этнографии арабов Сирии². Необходимо различать, указывает Велерс, супружескую семью, патриархальную семью и, наконец, «племенную семью, где очень широкие кровнородственные связи сохраняются живыми и действенными, основываясь на происхождении от общего предка» (стр. 256). Автор, таким образом, рассматривает племя как разросшуюся, насчитывающую «много сотен членов» семью; он не видит качественной разницы между семьей и таким социальным коллективом, каким является род или племя. Одновременно делается и другая ошибка: «племенная семья» рассматривается как форма организации, присущая лишь кочевому обществу; если она и встречается у оседлого населения, то лишь в силу бедуинского влияния (стр. 257). Редакция, исправив в примечании ошибку автора в отношении «племенной семьи», сама допустила неточность, приписав большую патриархальную семью преимущественно кочевникам-скотоводам (примеч. к стр. 256). В действительности нераздельная большая семья у кочевников, по крайней мере арабских,— очень редкое явление, так как отсутствие земельной собственности обычно приводит к выделам сыновей уже в самый момент женитьбы.

Основная ценность книги Ж. Велерса — в содержащемся в ней фактическом материале, в многочисленных живых зарисовках быта арабских крестьян Сирии и Ливана. Предпосланная книге содержательная и острая статья А. П. Орешникова и подробный редакционный комментарий обогащают работу Велерса, делают ее особенно интересной и полезной советскому читателю.

А. Першиц

НАРОДЫ АМЕРИКИ

E. Colson. *The Makah Indians. A study of an Indian tribe in modern American society.* Manchester, 1953.

Английский этнограф Е. Кольсон прожила год (1941/42) в деревне индейцев племени макахов — Них-Бей (штат Вашингтон, США). Она собрала интересный фактический материал, довольно полно характеризующий современное положение, культуру и быт этого некогда большого индейского племени. Резервация макахов занимает незначительную часть бывшей их территории на п-ове Олимп. В деревне Них-Бей, единственном селении макахов, проживает 357 индейцев этого племени (в два раза меньше, чем в 1861 г.). Макахи рассказывают, что до появления европейцев они могли выставить по 500 воинов от каждого из своих пяти селений.

Работа Кольсон выгодно отличается от большинства американских книг об индейцах, где современные быт и культура, экономическое и политическое положение освещаются тенденциозно или вообще не затрагиваются. В результате такого рода исследований, как справедливо замечает Кольсон, мы знаем больше о том, как жили американские индейцы 100 лет тому назад, чем о современной их жизни» (стр. 1).

В центре внимания автора — вопрос об ассимиляции макахов. Кольсон прослеживает всю политику Управления по делам индейцев, направленную на «уничтожение индейцев как народа, на поглощение их американским обществом», показывая на ярких фактах ее последствия. Рассматривая культуру макахов в целом, Кольсон приходит к выводу, что политика насильственной ассимиляции индейцев, в частности макахов, потерпела крах. Более того, она косвенно способствовала росту национального самосознания индейцев. Кольсон показывает, как растет сплоченность макахов, еще в XIX в. живших в нескольких изолированных друг от друга селениях. Впервые название «макахи» для индейцев мыса Фляттери появилось в договоре с правительством США в 1855 г.

Много внимания автор уделяет характеристике взаимоотношений между индейцами и «белым» населением в резервации и за ее пределами. «Белых» в Них-Бей Кольсон делит на постоянно живущих — мелких предпринимателей, учителей, чиновников — и на сезонников или транзитных, в массе своей рыбаков, лесных и строительных рабочих. Она отмечает дружеское общение между трудящимися американцами и индейцами, указывая, в частности, на случаи браков не только между индианками и американцами, но и между американками и индейцами. Вместе с тем автор подчеркивает наличие национальной дискриминации в отношении индейцев со стороны предпринимательно-чиновничьей прослойки «белого» населения. Это вызвало у индейцев справедливое чувство антагонизма к таким «белым»; индейцы характеризуют их как «жадных монстров, готовых забрать индейские земли, против них необходима постоянная бдительность» (стр. 122).

Говоря о материальном положении макахов, уровень которого очень низок, Кольсон отмечает, что они представляют собой все же сравнительно более обеспеченную группу из всех индейцев США, и объясняет это тем, что резервация макахов находится в пределах их первоначальной территории и их хозяйство не было разорено насиль-

² См., например, Kh. D a g h e s t a n i, *Etudes sociologiques sur la famille musulmane en Syrie*, Paris, 1932.